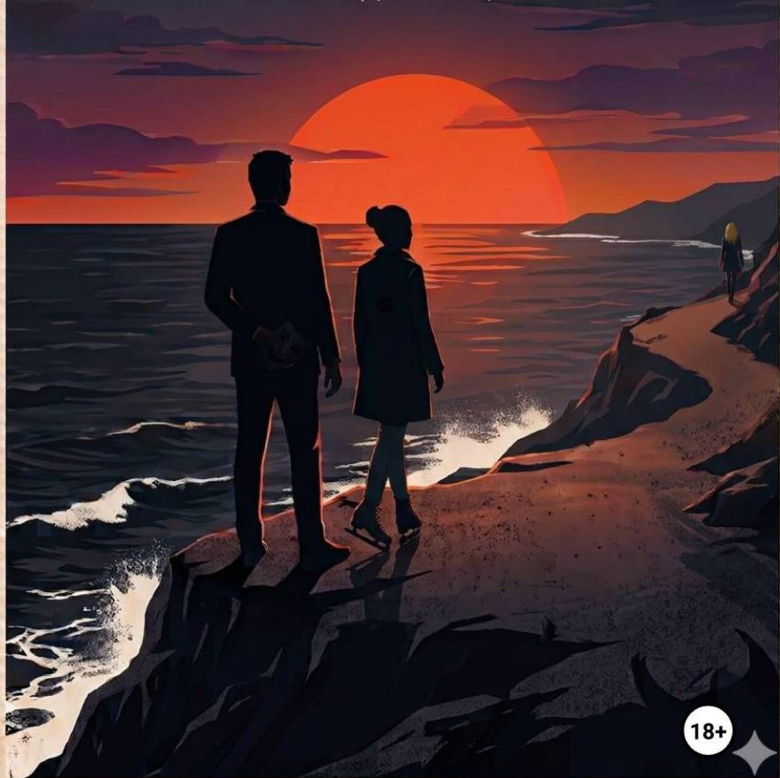

« Я тебя никогда не забуду »

АЛЕКСАНДР ТРУЩЕНКО

18+

Александр Трущенко

Я тебя никогда не забуду

<https://litres.ru/74603008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Делай то, чего не делают другие. Беги, но не от жизни. Добеги хоть куда-то. Сорокалетний актёр Святослав Легасов после очередного провального "забега" вновь возвращается в родные края, где каждый уголок буквально за шкуру затаскивает в прошлое. Детство и юность в сельской местности со строгой матерью-учителем, пьющим отцом и угрюмой сестрой. Лихие неблагоприятные времена, но когда времена бывали благосклонны к людям? Первая любовь и первые мечты, издевательства в школе, бурное студенчество, поиски себя - и наконец театр. Легасов верил, что всё будет, и где-то там, не за горами, жизнь щедро преподнесёт ему свои лучшие дары. Районный центр с провинциальным театром - пыль под ногами, тюремная камера для незаурядного таланта. С годами он отрёкся от пустых иллюзий и легкомысленных чувств, чтобы быть похороненным руками самой любви, презираемой и беспощадной. Чтобы никогда не увидеть. Чтобы никогда не забыть.

Содержание

Я тебя никогда не увижу	4
Вокзал. Бочка с квасом	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Трущенко

Я тебя никогда не забуду

Я тебя никогда не увижу

И в эту минуту, когда солнце уносило за горизонт одиночество и лишние слова, сердце впустило зажжённый ею свет. Свет, сотканный из прекрасного сущего: из изумрудной зелени лесов, золота песков и полей, из серебра лунного света, целующего беспокойное море. О, море! Глубокая синева и бушующая сталь, нежная бирюза морей... В один миг любимые, до дрожи в ногах любимые моря, показались такими далёкими и незнакомыми.

И страны, в которых он бывал без неё, и в которых не был, захотелось увидеть снова. Ведь существовавшие до неё годы, месяцы, дни, минуты и мгновения солнце унесло за линию горизонта.

Время прощаться.

«Не мигают, слезятся от ветра...»

Едва ли он просыпался на рассвете. Едва ли она разбудит, едва ли проводит...

Безумие. Безрассудство. Помешательство.

Но чем дольше она оставалась в плену его рук, тем более невероятно-несбыточной казалась безысходность мига, ко-

гда объятие прервется. Пальцы лишь сильнее сжимали плотную ткань алого жакета. Хотелось перебирать мягкие пушистые волосы, вдыхать аромат вечной юности в лучах заката. Хотелось тихонечко ладонью прикоснуться к нежной щеке, заглянуть в уставшие глаза и отважиться. Хотелось остаться здесь навсегда. Хотелось никогда не возвращаться.

Возвращаться – плохая примета. А потому время прощаться. Руки обречённо соскользнули с её спины. Ощущая собственное бессилие, он отстранился.

– Пока, – произнёс глухо, не своим голосом.

– До встречи, – растерянно ответила она и, неловко развернувшись, направилась прочь.

«Я тебя никогда не увижу. Я тебя никогда не забуду...»

Вокзал. Бочка с квасом

Позолоченный сентябрь. Холодное солнце. Не будь треклятая осень прекраснейшим творением Создателя, опустевший за последние пару лет глубоко провинциальный город не смог бы вызвать ничего, кроме отвращения и уныния. Деградировавший постсоветский облик почти безлюдных улиц давно опостылел. Пешеходная улица, отчего-то прозванная «Аллей славы», вымощенная обычной тротуарной плиткой, заканчивалась площадью, аналогичной точно таким же площадям в точно таких же городах. Разве что поза застывшего на века товарища Ленина, смотревшего в светлое коммунистическое будущее, разнилась и колоритное здание ЗАГСа отдавало винтажной атмосферой. Раз кофейня, два кофейня, ресторанчик, театр, несколько Секонд-хендов и ювелирных, казавшихся здесь бесчисленными, бочка с квасом, светофор, вокзал.

Слава сидел на скамейке у той самой бочки, сжимая и разжимая пустой пластиковый стаканчик из-под кваса, беспрерывно дёргая ногой и то и дело смоля сигареты. Он пытался отчего-то понять, где же всё началось. Быть может, на этой скамейке?

Мимо пронеслась парочка – вдвоём на одном самокате. Славу накрыло девятым валом. Поколение альфа, поколение зет, миллениалы... Технологии, погоня за лидерством, соци-

альные сети... Будь они прокляты эти социальные сети! Шёл сорок первый год его жизни. Славу штормило. Сорок лет как штормило, и порой он спотыкался о зависть к «новому поколению». Словно эти детки лучше него видели путь, словно они знали, что делать. Его жизненный корабль вполне мог претендовать на звание «Титаника». Очень провальная лодка. Ржавая посуда на дне мирового океана.

В начале недели ему хотелось перемен, развития, руки тянулись к гаджетам – сейчас он напишет свой лучший сценарий, разовьёт социальные сети... К концу дня понедельника появлялась готовность купить полуразвалившуюся деревянную хатку в самой глухой глуши и парочку цыплят. К чёрту социальные сети! Он пообещал себе удалить все приложения, но разве карьера человека его профессии в наше время возможна без всего этого? После сегодняшнего дня точно удалит.

Мерцающая красно-синими огнями, по пешеходной улице пронеслась машина скорой помощи. Здесь, за поворотом, в тени пылающих всеми оттенками пламени деревьев скрылось неказистое серенькое здание родильного дома. Святослав родился тут, в этом роддоме, в этом городе в новогоднюю ночь. Родился, вырос, пошёл в школу, оставался на второй год в старших классах, но намерился стать актёром и учиться непременно в столице, что предполагало дистанцию с утомлённым скукой городком в триста пятьдесят километров. И всё равно вернулся служить в местный театр. Каж-

дая попытка побега оборачивалась провалом – за границу, на другой континент, в столицу, в другую область. Снова и снова он возвращался сюда. Словно поражённый страшным проклятием, недугом, словно привязанный на длинную цепь пёс.

В тот тёплый осенний вечер, наполненный нежным солнечным светом и пряными лиственными ароматами, неким абсолютно особенным сентябрьским умиротворением, Слава предавался скорби, достигшей почти летальной степени именно в этом месте. Возвращаясь после долгих скитаний в родные края, он не то чтобы предвещал внезапный наплыв счастья и радости. Предстоявшая капитуляция казалась настолько очевидной, будто на лбу намалевали огромными буквами «позор». И всё бы ничего – он уже начал привыкать к ощущению очередной неудачи. Только давняя рана продолжала ныть, терзать изнутри, раскручивая ноцицептивный механизм на полную.

Наверное, одной из явных человеческих черт является явное непреодолимое стремление к мазохизму, упоение страданиями, печальными воспоминаниями, смакование скорби, перманентная ностальгия. А иначе Слава не мог объяснить самому себе, какого чёрта он, не сдержавшись, полез в социальные сети, как сопливый подросток-разведчик, чтобы увидеть там то, что не просто расшатало зародыш стабильности, но стало свинцовой пулей, вонзившейся в самое сердце.

Квас из бочки показался кисловато-разбавленным, одна-

ко Святослав не поленился встать и взял еще один стакан. Не успев протянуть монетку, он заметил то самое чудо.

Пожалуй, в каждом маленьком и немаленьком городке есть личность-достопримечательность. Чаще всего их даже несколько. Данный товарищ был ярчайшим представителем своей касты. Про возраст так и не скажешь, однако поговаривали, что не столько годы, сколько Афган сделал своё дело. И зимой, и летом седовласый экспонат слонялся по городу в одном и том же одеянии – подобии чалмы, накрученной из грязных разноцветных тряпок, набедренной повязке, открывавшей худые, но крепкие загорелые ноги. Верхнюю часть тела венчала и прикрывала замысловатая многослойная конструкция и тех же тряпок, превращавшая его в прямо-таки титана, словно скрывавшая мощные грудные мышцы, служившая подобием хранилища. Раскручивая слои тканей, он выуживал оттуда палочка-веточки, деньги, газеты... Возможно, тайны Вселенной скрывались именно внутри этого панциря. В тайнах Слава не был знатоком, но кое-что определённо знал: имя этому высокому жилистому бродяге – Александр, дядя Саша.

Горожане, конечно, сторонились Александра. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей, а кто-то и вовсе боялся, памятуя Афган. А он бродил по городу. Летом – босиком, зимой – в ботинках без шнурков. Цеплялся, конечно, к людям: к персоналу в магазинах, кафе, аптеках. Он читал монологи, стихи, бессвязно повествовал о своей жизни. Порой катался

на электричках, пользуясь правом бесплатного проезда для своей категории граждан. Тогда-то Слава, в былые времена обладатель старенького «Опеля», так часто подводившего хозяина в самые ответственные моменты, и познакомился с городской звездой. Чудная (ударение извольте ставить как пожелаете) беседа завязалась между ними. Все обходили бродягу стороной, а Слава нашёл в его говоре, местном диалекте, что-то своё, что-то родное. И при всех вполне очевидных ментальных проблемах афганец не был для него сумасшедшим. Просто сильно несчастным и очень одиноким. Люди, избегающие безумцев, порой не осознают, что сами гораздо ближе, чем кажется, к этим безумцам. Планету населяет не один миллиард безумцев. Несчастных и одиноких. Оттого Святослав не брезговал общением с дядей Сашей, который был откровенно приятнее большинства людей вокруг. Беседы эти, конечно, часто отдавали смесью бессмыслицы и сумасшествия, но именно в то мгновение, когда от скорби и одиночества хотелось лезть на стену, явление городской легенды казалось посланием свыше.

И вот сейчас, опираясь на длинный толстый сук и крепкие босые ступни, дядя Саша направлялся к нему.

Теперь, подойдя к скамейке, на которой сидел Слава, бродяга протянул ему огромную мозолистую ладонь.

– Святослав Легасов собственной персоной! Доброго вечера, давненько я Вас не видал, – поприветствовал Александр. – Аккурат вчера за лекарствами для матери вышел,

прохожу мимо театра и думаю: куда это наш большой артист пропал? А вот он Вы!

Слава натянуто улыбнулся, но всё же сжал его руку в ответ.

– Вот он я. Але оп! Как Ваше «ничего» в лучшем городе необъятной?

– Улица моя лиственная... Взгляды у людей пристальные... Знаете, у Магомаева песня такая была?

– Как же не знать?! Как здоровье? Как матушка?

– День прожил – и хорошо. Матери лекарства беру, вот.

Бродяга раскрутил свой «панцырь», выудив оттуда грязненький, затертый до дыр полиэтиленовый пакетик. Внутри оказалась коробочка с таблетками и бутылочка со спиртовой настойкой боярышника.

– Вот эти – «Полюс» – от давления. Всегда по полоске беру. – Дед достал блистер из коробочки. – А вот это настойка. Смешиваю с пустырником и валерьяной. Двадцать капель – для сердца чудесно... Да и спит она лучше. А Вы куда задевались, товарищ артист?

Легасов опустил голову, изподлобья глядя в ту сторону, куда совсем недавно унеслась машина скорой помощи, и, потеряв бороду, ответил:

– Затерялся на перепутье жизненных дорог. Тесно мне стало на нашей маленькой сцене. Земля большая – сцена крохотная. Убежал в поисках лучшей доли, но, когда бежишь за чем-то рьяно, пытаешься догнать, оно лишь быст-

рее от тебя ускользает.

Время ускользает, как песок сквозь пальцы.

– И всё же Вы вернулись, – заметил собеседник, в то же время пытаясь обратно укутать всё своё добро поглубже.

– Он вернулся. Прямо как Карлсон, который живёт на крыше. А куда мне деться? Жизнь пинает отовсюду. В столичном театре от третьесортных ролей стало тошно. Так тошно, что вообще решил бросить всё это дело. Не возвращаться же сюда? Стал извозчиком, так сказать, ну, в общем – таксистом. Неблагодарное дело с людьми работать. Избалованный у нас народ, невоспитанный в большинстве своём. Каждый ведь на кусок хлеба с маслом зарабатывает, как может. Любой труд ценить надо, уважать, а крепостное право, кажется, в тысяча восемьсот шестьдесят первом году отменили. Только как будто зря всё было. Я не в прислугу нанимался и не в раба для капризной шляхты, которые, соприкасаясь задницами с сиденьем, забывают, что сами тоже ходят на работу, занимаются каким-то делом, как и я. Знаете, в чем величайший недуг нашего общества? В неискоренимом абсолютном эгоизме, в безумном индивидуализме. Я, я, я... Моё личное пространство, моё время, мои интересы, мои деньги, мой комфорт. Только вот каждое «я» так или иначе соприкасается с другим «я» Там, где проходят границы твоего личного пространства, начинается территория другого человека, у которого тоже есть потребности, который тоже в какой-то момент сможет послать ко всем чертям вас и ваши

границы, потоптаться по вашей территории. У каждого есть мечты, цели, семья, друзья, проблемы, несчастья, однако почему-то многие не задумываются, что не одни они такие на прекрасной планете Земля. Ай! Мораль погибает, а эгоизм и хамство процветают на плодородной почве. И каждый пытается тебя оценить – оценки в приложениях, комментарии. Жизнь была раньше проще, спокойнее, без этих безумных технологий, и люди были проще и добрее. В общем, завязал я с такси – нервов на всех не напасёшься. Пошёл на склад работать. Дело, мягко говоря, совсем не творческое. Быстро выгорел. Дальше пошло-поехало. И я поехал крышей, за границу тоже поехал. Раньше часто путешествовал, жил путешествиями, грезил. На месте не сиделось. Отложил денег – сразу билеты покупаю, бронирую хостел, планирую маршрут. Только вот путешествовать по экзотическим странам и жить на чужбине – это как повсюду вроде бы свой и повсюду иностранец.

Закончив длинную сумбурную тираду, Слава осушил стаканчик с гадким квасом и закурил очередную сигарету.

– Вы про альпинизм слыхали, товарищ артист? – спросил бродяга и тут же, не ожидая ответа, продолжил: – Сложный спорт, смертельно опасный. «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт». Есть люди духом слабые, а есть сильные. Альпинизм для людей духом сильных. Горы выворачивают из тебя нутро, показывают всю суть. Горы убивают слабых и никчемных, принимают стойких и чистых душой. Нас ведь

не сосчитать на этой планете прекрасной. Вы на дурных людей и на дурное не смотрите. Смотрите на людей добрых, на мир чудесный, дело делаете своё благое – и будете повсюду своим.

Легасов молча встал со скамейки, достав из кармана помятую купюру, и, подойдя к бочке с квасом, попросил у прыщавого парнишки ещё два стаканчика.

– Погода, однако, сегодня замечательная. Люблю я осень. Прямо как Александр Сергеевич Пушкин, – пробормотал Слава вместо ответа, протянув дяде Саше один из стаканчиков.

В кармане рубашки завибрировал телефон. На экране светилось «Ира».

– Алё, – резко и раздражённо выпалил Святослав, пребывая в раздаражении от самого факта звонка.

Стоило ему появиться в зоне географической доступности для матери и сестры, как они сразу превращались в две занозы в причинном месте. И если к матери, как к женщине, подарившей ему эту прекрасную жизнь, у Славы было меньше претензий, то Иру время от времени хотелось придушить.

– Скажи мне, пожалуйста, какого чёрта ты не закрыл ворота? Натти на свободном выгуле по деревне шарилась! Ты хочешь, чтобы она снова в подоле принесла щенков? Снова топить предложишь?

– Это было два года назад, – в оправдание ответил он, не желая вспоминать давнее происшествие. – И я решил ситу-

ацию.

– Слава Богу, раздал! И на том спасибо!

– В таком случае желаю всего доброго! До встречи.

Святослав вымученно запихнул виды выдавший смартфон обратно в карман. От усталости хотелось рвать и метать, хотелось выплеснуть злобу, обрушить негодование на безнадёжность бытия. Его жизнь проходила в попытках собрать пазл, составить хотя бы подобие целостной картинки, целостного себя. Но все попытки едва ли обращались в действия. Душа болела творчеством, горела идеями, в то же время беспомощно трепыхаясь подобно мотыльку во тьме.

Один в целой Вселенной Стоило увидеть лучик света, направиться к солнцу, как пламя собственных и чужих надежд и ожиданий опаляло хрупкие крылья. Вечное недовольство, упрёки шли об руку с разочарованием, сменяя время от времени краткими периодами спокойствия и принятия.

Не живётся человеку беззаботно в этом бренном мире! Ведь птица счастья в дне завтрашнем прилетает, а сегодня, значит, непременно следует предаваться печальям, переживаниям, тревогам – жить во всепоглощающей грусти. А иначе «завтра» не настанет, та самая птица не явится. И вот оно, горячо ожидаемое завтра! Только звона заветных крыльев не слышно. Быть может, завтра?

Легасов не ожидал от самого себя подобной чувствительности в таком солидном возрасте. Хотя семья не уставала напоминать о том, что выбор его отнюдь не соответствовал пу-

ти и образу настоящего мужчины. Будучи юнцом, он определённо плевал на выдуманные стандарты и клише, веря в мечту и призвание. Годы стирали азарт и стремление – на смену пришли безмятежность и длительный заплыв по течению. Однако порой такой одиночный бесцельный заплыв приводил к какому-то обрыву, и тогда его дырявая лодка устремлялась в падение с водопада. Казалось, выжить невозможно. Действительно, живым он себя не чувствовал.

Домой возвращаться было неохота. Да и дома своего у него не было – паршивый факт, когда тебе сорок. Родительское гнездо в деревне с натяжкой даже нельзя было назвать тихой гаванью. Мать, сестра с двумя пацанами-подростками и он, блудный непутёвый сын, брат и дядя. Места много – толку мало. Слишком холодно для ощущения уюта и слишком многолюдно для покоя.

Старый белый «кадиллак» Слава по бывшей привычке припарковал за театром. Дорогая статусная игрушка большого мальчика, приобретённая в период короткого, но благодатного изобилия. Этот экспонат был единственной стабильной чертой в его нескладной жизни. Оттого даже в самые скверные периоды, как сейчас, актёр и не мыслил о расставании с автомобилем.

– Нехота возвращаться... домой, – сказал Святослав.

– Верю, верю, – ответил дядя Саша. – Мать моя в больнице вторую неделю. К пустым стенам совсем не хочется приходить.

– А лекарства зачем купили? – удивился актёр.

– Старость любит старые привычки, – усмехнулся бродяга, разведя руками. – Проснулся – уже хорошо. Хожу, брожу, кормлю мать, лекарства даю, покупаю газеты, читаю, хожу, брожу, радио слушаю, обед – снова лекарства – ужин, новости, лекарства. День прожил – и добре. Старость – возраст незавидный. Будучи молодым, бегаешь туда-сюда, как прокажённый, в поисках времени на всякую чушь да небылицы, не думая, не замечая родных, близких. В старости начинается побег уже от времени. А куда, к кому? Никого не осталось...

Слава тяжело вздохнул. Это же сколько лет должно быть его матери? Лёгкие не желали раскрываться. Старик вызывал в нём чувства большие, чем симпатия. Ото всех знакомых, кто так или иначе пересекался с городской легендой, актёр слышал исключительно нелестные комментарии. Мол, бродит сумасшедший экстравагантный дядька по городу, полураздетый, чудной. И манеры у него странные, и речь несвязная, и мотивы непонятные – психопат. Как будто бы и не совсем ложь.

Пожалуй, со стороны так оно и казалось. И лохмотья, и порой нескладное повествование со странными связками, хаотичные мысли, резкие абстрактные жесты. Тем не менее дядя Саша, несмотря на некоторые вполне определённые записи в медицинской карточке, о которых он в общем-то непредусмотрительно упоминал в беседах с каждым встреч-

ным, был гораздо приятнее большинства людей, с которыми Святославу приходилось общаться. Уж точно приятнее родственников.

– А знаете что, товарищ актёр? – внезапно воскликнул бродяга. – Прекрасный сентябрьский день – самое время для прогулок. Вы прогуляйтесь обязательно. Сразу легче на душе станет. Хорошая прогулка – лучшее лекарство от тревог.

– Честно? – вздохнул Легасов. – Я так зае... хал сюда во время. Вы просто не представляете: сегодняшний день выбил из меня душу, нечего там уже облегчать. Казалось бы...

– А вы пройдитесь, пройдитесь. Я почему такой крепкий и здоровый? Каждый день подолгу гуляю.

– Договорились. Обязательно попробую.

Слава ловко закинул опустевший стаканчик из-под кваса в мусорный бак, помахал на прощание бродяге и резко встал со скамейки, отметив мерзкий скрип собственных коленей. Сорок лет! Да, такие вот дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.